

МОЛОДЕЖЬ МОЛДАВИИ
Г. Кишинев

И БАБА-ЯГА, И ПРОМЕТЕЙ...

Две фотографии — два таких разных образа! А между тем, и Прометей, и Баба-Яга — одно и то же лицо, один человек — Андрей Стрельцов. Что ж, в цирке и не такое бывает. Осталось в нем карнавальное, веселое, забавные превращения, которые бывают в сказках. За то мы и любим цирк, что все в нем возможно: слезы, улыбка, любопытство и восторг. Но если ты работник цирка, выходишь на манеж — уметь делать все. Учись сложному искусству превращения. Мешай в своей «палитре» разные краски, держи публику в напряжении, в котором соседствует восторженное «ах!» и радостный смех.

Совсем недавно зрители увидели в нашем цирке новогоднее представление аттракциона «Прометей». Увидели Андрея, титана и борца Прометея, в спектакле популярных Волжанских. Но кто из зрителей, следящих за актером, думает о том, каким путем пришел он на арену, труден ли, легок ли был этот путь?

Андрей молод. Только-только, кажется, вышел из комсомольского возраста, а говорить о судьбе его мы уже можем. Есть у него творческая судьба. Как начинал? А вот начинал, пожалуй, обыкновенно. Кончил школу в Москве. Ну ходил, как и половина ребят его возраста, в спортшколу.

7 * ФЕВ 1987

И во что бы то ни стало мечтал стать артистом цирка. Обычно такая тяга бывает у ребят, которые растут в семье цирковых артистов. Андрей же рос в семье далекой от цирка, это потом случайно выяснилось, что бабушка Андрея все-таки ког-

да-то отдала дань цирку и была участницей номера, который назывался экзотически и таинственно «Калиостро».

Занятия спортом в семье поощрялись. Смелость, твердость духа — разве не мужские качества?

Но Андрей мечтал о цирке и когда пошел в армию, и когда стал студентом-заочником Московского института физкультуры и спорта. Мечте помог случай. Судьба свела Андрея с Игорем Бессарабом, руководителем одного из лучших в стране номеров гимнастов на турниках. Андрей понравился. Его пригласили в номер...

Дебют Андрея состоялся... как вы думаете, где? У нас в Кишиневе. Он приехал сюда задолго до того, как Игорь Бессараб привез свою труппу. Денег не было. Устроился в цирке униформистом, помогал устанавливать брезентовый купол шалито на пустыре (цирк тогда еще не построили), подметал клетки. Проходил цирковую науку по всем правилам, начиная с азоров. А потом, ровно за неделю, сделал свой номер и вышел на арену. Кажется — фантастика? Но если мечтал, если давно присматривался — как делают другие и как смогу я?

Номера он придумывал сам. «Ремни», «Проволока» были живой импровизацией, философской и лирической. Андрей стал «набирать высоту» в прямом и в переносном смысле: он уже работал со своей собакой Графом на пятиметровой высоте.

Но цирк есть цирк. Это риск и сложность. Однажды они сорвались. Андрей сломал руки, а верный пес носился вокруг него кругами и жалобно таякал: если ты упал, почему не идешь на повтор?

Для многих такое падение — конец цирковой карьеры. Но Андрей и не думал уходить из цирка.

Его Прометей собрал и какие-то собственные Андрея черты характера — волю, силу, чувство цели... К таким образам человек-пустышка оказывается не готов.

...Высоко под куполом цирка пылает желанный огонь, который так нужен людям. Мускулистые руки многократно обвитые ремнями (кто может подумать, что они были сломаны?), поднимают Прометея все выше и выше. И вот огонь добыт. Андрей внизу на арене, среди людей... Атлетическое тело, мужественный, гордый герой. Зал рукоплещет!

Но вот совсем другая реакция зрителей — смех, крики ребяташек. Летит по воздуху на метле кудлатая Баба-Яга. После нескольких забавных трюков плюхается на манеж, встает, побряхтывая и потирая скрюченную радикулитом спину. Старушка хитрая, вредная, разговаривает со зрителями. И те отвечают ей, спорят с нею, забывая, что это артист. Мастерству Андрея, его способности перевоплощения может позавидовать и более опытный мастер.

«Актёрство» его давно заметили, и однажды режиссер солидного московского театра всерьез принялся уговаривать Андрея сменить амплу и внять Мельпомене. «Ваше место на сцене!», убеждал режиссер.

Заманчивое было предложение, что говорить. Но сцена театра — не арена. А тут чувство риска, предел напряжения, счастье полета высоко над землей. Что их заменит?

К. ЛУМЯ,
наш обществ. корр.

Фото Е. Киблика.

87